

Педурару против Румынии

[Păduraru – Romania] (№ 63252/00)

Постановление от 1 декабря 2005 г. [вынесено III Секцией]

Обстоятельства дела

Отец заявителя владел в Бухаресте жилой собственностью, разделенной на два жилых здания, блок «А» и блок «В», с тремя и двумя квартирами соответственно. Здания были национализированы государством в 1950 году. В феврале 1996 года заявитель обратился к властям с ходатайством о возврате ему этой недвижимости на основании Закона № 112/1995, содержащего правила относительно национализированной жилой собственности. В октябре 1996 года комиссия, ответственная за исполнение этого Закона, приняла решение о том, что объекты жилой собственности, национализированные до 1989 года, бывшие владельцы которых обратились с заявлениями о возврате собственности на основании указанного Закона или обратились в суды с исками о восстановлении в правах собственности, могут быть проданы жильцам, занимающим квартиры, только после того, как статус жилой собственности будет урегулирован.

В начале 1997 года городской совет продал две квартиры в блоке «В» и прилегающий участок земли жильцам. В марте 1997 года заявитель обратился в суд с иском о восстановлении в правах собственности на дома. В своем вступившем в законную силу решении, вынесенном в апреле 1997 года, суд установил, что вся собственность, на которую претендует заявитель, была национализирована в нарушение действовавшего в то время законодательства, указал, что заявитель оставался законным владельцем собственности и постановил вернуть здания заявителю, включая квартиры, ранее проданные государством.

Несколькими днями позже городской совет продал одну из трех квартир в блоке «А» и прилегающий участок земли бывшим жильцам. Во исполнение судебного решения, вынесенного в апреле 1997 года, городской совет распорядился о возврате всей жилой собственности. Однако, передача прав собственности на те части жилья, которые были проданы бывшим жильцам, требовала предварительного аннулирования актов о передаче правового титула на собственность. В марте 1999 года суд постановил, что квартиры были проданы жильцам на законных основаниях, поскольку не имелось данных о недобросовестности приобретателей собственности, а любая недобросовестность со стороны городского совета не имела значения для дела. Жалобы на это решение суда, поданные заявителем, были отклонены. Заявитель после этого уже не мог юридически требовать возврата зданий, но мог только требовать выплаты компенсации за них.

Заявитель жалуется в Европейский Суд на то, что ему не было выплачено никакой компенсации за продажу принадлежащих ему квартир третьим лицам, правомерность которой была подтверждена судебным решением.

Вопросы права

По поводу соблюдения требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Что касается квартиры, которая была продана после того, как было вынесено судебное

решение о возврате здания, то следует заметить: хотя решением суда от 10 апреля 1997 г. задним числом было признано – с приданием решению обратной силы – право собственности заявителя и государству было предписано вернуть ему здание, государство тем не менее квартиру продало. Поэтому это была не просто продажа чьей-то чужой собственности, но продажа, которая состоялась с вопиющим нарушением судебного решения, вынесенного в пользу заявителя. По делу со всей достоверностью не установлено, вступило ли судебное решение от 10 апреля 1997 в законную силу ко дню продажи квартиры, но на государстве в его качестве гаранта публичной политики лежало моральное обязательство являть собой пример, и оно должно было гарантировать, чтобы органы власти, ответственные за обеспечение публичной политики, выполняли бы это обязательство. Продав указанную квартиру, которую государству было предписано возвратить заявителю, не высказав при этом ни малейшего несогласия с судебным решением, например, посредством его обжалования в вышестоящий суд, государство продемонстрировало пренебрежение судебными решениями.

Кроме того, в соответствии с законом, действовавшим в соответствующее время, у заявителя больше не оказалось никаких средств правовой защиты, прибегнув к которым он мог бы вернуть себе право собственности на квартиру. Коротко говоря, налицо факт вмешательства государства в осуществление заявителем своего права на беспрепятственное пользование его имуществом. После того, как его собственность была продана, заявитель больше не мог вступить во владение ей или продать ее, завещать, дарить или иным образом отчуждать ее. Ситуация в результате вылилась в лишение заявителя его собственности. Более того, вмешательство государства в осуществление им права собственности не основывалось на законе, поскольку в момент, когда была совершена продажа квартиры, у государства не было правового титула на владение квартирой, тогда как собственность может быть юридически продана только на основании правоустанавливающего документа.

Что касается квартир, которые были проданы до того, как заявитель обратился в суд и иском о восстановлении его в правах собственности на квартиры, то следует заметить: у заявителя имелся материальный интерес, достаточно прочно закрепленный в законодательстве страны, чтобы настаивать на возвращении ему квартир, которые являются «имуществом» в значении статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции. Государство не выполнило свои позитивные обязательства по принятию своевременных и последовательных мер по разрешению вопроса, вызывающего всеобщий интерес, который поднимается в связи с реституцией или продажей собственности, некогда перешедшей во владение государством на основании декретов о национализации.

Отсутствие последовательности в положениях законодательства и противоречия в практике Верховного суда, в особенности, что касается национализированной недвижимой собственности, привели к общему отсутствию правовой определенности и стабильности. Общая правовая неопределенность тем самым негативно сказалась на конкретном деле заявителя, который оказался не в состоянии восстановиться в правах собственности на все его недвижимое имущество, несмотря на то, что вступившим в законную силу судебным решением государству было предписано вернуть ему это имущество. Следовательно, государство не выполнило свое обязательство защищать право заявителя на эффективное пользование его имуществом, и тем самым не соблюдало «справедливый баланс» между требованиями блюсти общественный интерес и необходимостью защищать право заявителя на беспрепятственное пользование своим имуществом.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу, что по делу допущено нарушение требований статьи 1 Протокола № 1 к Конвенции (вынесено единогласно).

Компенсация

В порядке применения статьи 41 Конвенции. Европейский Суд счел, что вопрос о применении статьи 41 не готов для принятия по нему решения и соответственно отложил принятие такого решения полностью.